

Судъ исторіи. ¹⁾

IX.

Въ настоящій моментъ общественное мнѣніе глубоко волнуется вопросомъ о русско-нѣмецкихъ отношеніяхъ. Россія воюетъ съ Германіей, но этимъ милитарнымъ и политическимъ фактомъ вовсе не исчерпываются сила и значеніе происходящаго столкновенія.

Въ октябрьской книжкѣ *Русской Мысли* читатель найдетъ мнѣніе Дельбрюка, высказанное задолго до европейской войны, что мировую войну въ наше время можетъ вызвать только взрывъ народныхъ страстей, разжигаемыхъ прессой. Великая война опровергла это предсказаніе, но не вполне. Война не была вовсе вызвана взрывомъ народныхъ страстей, она была устроена германскимъ правительствомъ, и даже общественное мнѣніе Германіи было войною, какъ совершившимся фактомъ, захвачено врасплохъ. Но германское правительство сумѣло послѣ начала войны, въ интересахъ ея, вполне овладѣть общественнымъ мнѣніемъ страны, разжечь идеей войны народныя страсти и убить въ германскомъ народѣ всякое критическое отношеніе къ роли правительства въ этой войнѣ. Но и въ другихъ странахъ, которымъ пришлось обороняться отъ германскаго нападенія, народное сознание признало войну своей. Это придаетъ войнѣ 1914 г. ту остроту и силу, которой были лишены многія милитарныя столкновенія прежнихъ временъ.

Въ частности, вопросъ о корняхъ настоящей войны въ народной душѣ, въ общественномъ сознаніи съ особенной силой возникаетъ по отношенію къ Германіи. Нѣмецкій народъ Германіи не самъ потребовалъ этой войны, но онъ всецѣло принимаетъ и оправдываетъ ее,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Выше мы печатаемъ статью Е. В. Тарле, въ которой германская враждебность къ Россіи характеризуется какъ настроеніе, особливо присущее реакціоннымъ элементамъ Германіи. Однако, было бы ошибочно

¹⁾ *Продолженіе*. См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. VIII—IX и X.

думать, что идея германизма, какъ воинствующей и завоевательной стихіи, есть идея исключительно реакціонныхъ, консервативныхъ или, по крайней мѣрѣ, націоналистическихъ круговъ Германіи. Я не могу присоединиться къ мысли ¹⁾, что вражда къ Россіи и русской стихіи есть явленіе, характерное лишь для такихъ „правыхъ“ элементовъ Германіи, какъ прусское юнкерство, для консервативной публицистики Германіи въ лицѣ Гена (посмертный памфлетъ котораго „De moribus Ruthenorum“ есть, быть можетъ, самое яркое выраженіе этого антирусизма), въ лицѣ извѣстнаго публициста *Kreuzzeitung* историка Шимана и т. п. „отсталыхъ“ идеологовъ отживающей Германіи.

Исторически и фактически это невѣрно.

Всякій, знакомый въ цѣломъ съ дѣятельностью Маркса, знаетъ, что агрессивное германское расширеніе противъ славянства не только въ прошломъ, но и въ современной Марксу дѣйствительности встрѣчалось съ его стороны сочувствіе и одобреніе. Маленькія славянскія національности (до чеховъ включительно!) Марксъ сознательно обрекалъ на сѣдненіе германизму.

„Исторія цѣлаго тысячелѣтія,—писалъ Марксъ въ 1852 г. на страницахъ нью-іоркской *Трибуны*,—должна была показать намъ (этимъ умирающимъ національностямъ, т.-е. австрійскимъ славянамъ)... что если вся область на востокъ отъ Эльбы и Заале нѣкогда была населена рядомъ родственныхъ между собой славянскихъ народовъ, то этотъ фактъ служить лишь показателемъ исторической тенденціи, физической и интеллектуальной силы германской націи и ея способности покорить, всосать и ассимилировать этихъ восточныхъ сосѣдей; что эта поглотительная тенденція нѣмцевъ всегда составляла и составляетъ до сихъ поръ одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ распространенія западной цивилизаціи на востокъ нашего континента; что эта тенденція лишь тогда прекратитъ свое дѣйствіе, когда процессъ германизациіи дойдетъ до границъ большихъ, цѣльныхъ, несломленныхъ націй, которыя способны вести самостоятельную національную жизнь, каковы венгерцы и въ нѣкоторой степени (sic!) поляки, и что, такимъ образомъ, естественной и неизбѣжной судьбой этихъ умирающихъ націй является — дать свершиться процессу разложенія и поглощенія болѣе сильными сосѣдями. Это, правда, весьма нелестная перспектива для національнаго самолюбія мечтателей панславизма, которымъ удалось привести въ движеніе часть чеховъ и южныхъ славянъ. Но развѣ они могутъ ожидать, что исторія двинется назадъ на сто лѣтъ, въ угоду нѣсколькимъ чахоточ-

¹⁾ Кое-что изъ приводимаго ниже матеріала было мною уже использовано въ статьѣ „Карлъ Марксъ и восточный вопросъ“, напечатанной въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* отъ 9 ноября.

нымъ обществамъ, состоящимъ изъ людей, которые во всякой части населяемой ими страны видятъ рядомъ съ собой и кругомъ себя нѣмцевъ, людей, которые съ почти незапамятныхъ временъ для всѣхъ цѣлей цивилизаціи не имѣютъ другого языка, кромѣ нѣмецкаго, и которымъ недостаетъ первыхъ условій національной жизни: и большой численности и замкнутой территоріи“¹⁾.

Марксъ въ 1848—1849 г. желалъ и требовалъ войны съ Россіей; эту войну, какъ онъ рассчитывалъ, революціонная Германія будетъ вести въ союзѣ съ революціонной Польшей.²⁾

Нельзя сказать, чтобы Марксъ въ историческомъ славянскомъ призваніи Россіи и въ вѣковой борьбѣ ея съ Турціей видѣлъ только

1) Эта статья относится къ серіи статей о революціи и контръ-революціи въ Германіи, изданныхъ дочерью Маркса и на нѣмецкій языкъ переведенныхъ Каутскимъ. Ср. *Karl Marx: „Revolution und Kontrerevolution in Deutschland. Stuttgart, 1896, Ss. 98—99.*

2) Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что въ 1848—1849 г. Марксъ желалъ европейской войны потому, что онъ ждалъ отъ нея соціальной революціи, совершенно такъ же, какъ того же ожидалъ отъ англо-русской войны Жюль Гедъ въ 1885 г., на встрѣчу которой онъ кричалъ: *Vive la guerre!* (ср. мою замѣтку „Жанъ Жоресъ—великій ораторъ-пацифистъ“ въ октябрьской книжкѣ *Русской Мысли*). Въ обзорѣ революціоннаго движенія за 1848 г., помѣщенномъ въ новогоднемъ номерѣ *Neue Rheinische Zeitung*, Марксъ писалъ: „Страна, которая превращаетъ цѣлыя націи въ своихъ пролетаріевъ, которая своими исполнскими руками охватываетъ весь міръ, которая своими деньгами уже однажды покрывала издержки европейской реставраціи, въ нѣдрахъ которой классовыя противорѣчія развернулись въ самой ярко выраженной, самой безстыжей формѣ—Англія кажется скалой, о которую разбиваются волны революціи; Англія еще въ утробѣ матери морить голодной смертью новое общество. Переворотъ экономическихъ отношеній въ каждой странѣ европейскаго континента и на всемъ европейскомъ континентѣ безъ Англіи есть буря въ стаканѣ воды. Условія промышленности и торговли внутри каждой націи опредѣляются ихъ отношеніями съ другими націями, обусловливаются положеніемъ данной страны на мировомъ рынкѣ. Англія же господствуетъ надъ мировымъ рынкомъ, а буржуазія управляетъ Англіей... Старая Англія будетъ ниспровергнута только мировой войной, только мировая война можетъ дать партіи чартистовъ, организованной англійской рабочей партіи, условія успѣшнаго возстанія противъ ихъ исполнскихъ угнетателей. Когда чартисты станутъ во главѣ англійскаго правительсва, только въ этотъ моментъ соціальная революція изъ царства утопіи перейдетъ въ царство дѣйствительности. Всякая же европейская война, въ которую вовлекается Англія, есть война мировая. Она ведется какъ въ Канадѣ, такъ и въ Италіи, какъ въ Ост-Индіи, такъ и въ Пруссіи, какъ въ Африкѣ, такъ и на Дунаѣ. И европейская война будетъ первымъ слѣдствіемъ побѣдоносной рабочей революціи во Франціи. Англія, какъ во времена Наполеона, будетъ стоять во главѣ контръ-революціонныхъ армій, но самая война заставитъ ее стать во главѣ революціоннаго движенія и загладитъ свою вину противъ революціи восемнадцатаго вѣка.

„Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, мировая война—таково содержаніе 1849 года“ (цитирую по *N. Rjasanoff. Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. Kritische Untersuchungen. Stuttgart, 1909, Ss. 2—3.*

Принципальный пацифизмъ былъ всегда чуждъ социаль-демократіи, поскольку она

проески реакціоннаго русскаго правительства или фантазіи литературнаго панславизма. Въ его статьяхъ встрѣчается, наоборотъ, признаніе народнаго характера за русской ближневосточной политикой ¹⁾.

Но Марксъ считалъ русскую стихію врагомъ Запада и цивилизаціи и всей душой отвергалъ эту стихію. Изъ ненависти къ Россіи Марксъ и Энгельсъ въ историческихъ конфликтахъ нашего отечества съ Турціей въ 1853—1854 и въ 1877—1878 гг. всегда были на сторонѣ Турціи, въ союзѣ съ самыми яркими англійскими туркофилами.

Для Маркса лордъ Пальмерстонъ не былъ достаточно яркимъ русофобомъ, и онъ вслѣдъ за мономаномъ англійскаго туркофильства Д. Уркартомъ обвинялъ Пальмерстона въ предательствѣ англійскихъ и турецкихъ интересовъ въ пользу Россіи ²⁾.

Мечтая о всеевропейской революціи, Марксъ въ 1853 г. видѣлъ въ турецкомъ султанѣ союзника этой революціи. Въ статьѣ его, напечатанной въ *New-York Tribune* отъ 12-го августа 1853 г., есть такая поистинѣ классическая фраза: „The Sultan holds Constantinople only in trust for the Revolution“,—„Султанъ владѣеть и управляетъ Константинополемъ исключительно по довѣрію и въ интересахъ революціи“. Революція должна и призвана сломить „демоническія“ вліянія Восточнаго Рима“ (т.-е. Россіи). ³⁾

опиралась на ортодоксальный марксизмъ. Въ его расчеты всегда входила европейская война какъ сигналъ къ соціальной революціи. Однако несостоятельность такихъ расчетовъ на войну, быть можетъ, никогда не чувствовалась такъ ясно, какъ именно теперь, когда мы дожили до величайшей міровой войны, площадь которой все расширяется.

1) „Такъ въ ученыхъ кабинетахъ нѣкоторыхъ славянскихъ диллетантовъ (sic!) въ исторической наукѣ родилось то смѣхотворное анти-историческое движеніе, которое стремилось ни болѣе, ни менѣе какъ къ подчиненію цивилизованнаго запада варварскому востоку, города—деревнѣ, торговли, промышленности, науки—первобытному земледѣлію славянскихъ крѣпостныхъ. Но позади смѣхотворной теоріи стояла ужасная дѣйствительность русской имперіи, той имперіи, которая каждымъ своимъ движеніемъ заявляетъ притязаніе—разсматривать всю Европу какъ владѣніе славянской расы и въ особенности единственной крѣпкой отрасли этой расы—русскихъ. Русская имперія, несмотря на наличность двухъ такихъ столицъ, какъ С.-Петербургъ и Москва, еще не обрѣла своего центра тяжести, такъ какъ городъ Царя (Константинополь по-русски Царьградъ), который каждымъ русскимъ крестьяниномъ разсматривается какъ истинное средоточіе религіи и націи, еще не сталъ резиденціей императора...“ *Revolution and Kontrevolution in Deutschland*, S. 63.

2) Ср. дит. выше брошюру г. Рязанова и объясненіе самого Маркса въ его предисловіи, убійственно скучномъ памфлетѣ „*Herr Vogt*“, London, 1860, Ss. 58—59. Статьи Маркса противъ Пальмерстона были переизданы въ Лондонѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Ихъ у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками. „Мономаномъ“ Уркарта называетъ самъ Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Энгельсу.

3) Статьи и корреспонденціи Маркса по восточному вопросу, писанныя Марксомъ для *New-York Tribune*, были переизданы большимъ томомъ почти въ 700 стр.: *Karl*

Классическихъ англійскихъ либераловъ своего времени: Кобдена, Брайта, Гладстона, Марксъ не выносишь, между прочимъ, и за ихъ доброжелательное отношеніе къ Россіи. „Кобденъ и Россія“ — озаглавлена ѣдкая англійская статья, въ которой отъ Маркса одинаково достается какъ Кобдену, такъ и Россіи ¹⁾. Интересно отмѣтить, что Кобденъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ англичанъ, которые всегда понимали, что между Англійей и Россіей нѣтъ реального антагонизма. Реальную опасность для Англійи Кобденъ видѣлъ въ американской торговой и промышленной конкуренціи, а не въ воинственной политикѣ Россіи. Психологически забавно, что проповѣдникъ идеи классовой борьбы Марксъ въ одномъ изъ своихъ интереснѣйшихъ писемъ къ Энгельсу, недавно опубликованныхъ Бернштейномъ, почти съ негодованіемъ говорить о томъ, что „квакеръ Брайтъ интересуется только внутренней войной“ (письмо отъ 24-го января 1854 г.) ²⁾.

Въ 1877—1878 г. Марксъ и Энгельсъ стояли безусловно на сторонѣ Турціи. Послѣ русско-турецкой войны они ожидали русско-германской войны и со своей точки зрѣнія германскихъ социаль-демократовъ ея весьма опасались. Весьма характерно въ этомъ смыслѣ слѣдующее мѣсто изъ письма Энгельса къ Марксу отъ 9-го сентября 1879 г.: „Въ тотъ самый моментъ, когда нигилисты и панслависты (совершенно такъ же, какъ самые заскоружные нѣмецкіе консерваторы, духовные вожди германской социаль-демократіи сближали и отождествляли въ этомъ пунктѣ „нигилизмъ“ и „панславизмъ“. *II. С.*) такъ основательно разрушаютъ русско-германскій союзъ, что онъ лишь на короткое время, для видимости, можетъ быть заштопанъ,—въ этотъ самый моментъ ихъ афганскіе агенты бросаютъ Англію, въ случаѣ войны Россіи съ Германіей, въ объятія Бисмарка. Я увѣренъ, что Бисмаркъ руками и ногами работаетъ надъ тѣмъ, чтобы довести дѣло до войны съ Россіей. Въ союзъ съ Австріей и Англійей онъ можетъ дерзнуть и на это, Англія обезпечить ему нейтралитетъ Дани, вѣроятно, Италіи, можетъ быть, даже самой Франціи.

Marx. The eastern question. A reprint of letters written 1853—1856 dealing with the events of the Crimean War. Edited by Eleanor Marx Aveling und Edward Aveling. London, 1897. Цитированное мѣсто находится на стр. 81.

¹⁾ L. c. pp. 232—235.

²⁾ „Cobden, the „Umble“ and „homely Man“ hat sich bedeutend blamiert mit seiner letzten Rede. Er zeigt, dass er und die „Umble Men“, die ihm Beifall klatschten, nicht dazu berufen sind England zu beherrschen. Quäker Bright will bloss vom inneren Krieg wissen. Cobdens Entdeckung, dass die soziale Konstruktion Englands und Russlands analog, weil es dort Demidoffs und hier Derbys giebt, ist eines Pfälzer-Neustädter Revolutionsphilisters würdig“. Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Herausgegeben von A. Bebel u. Ed. Bernstein. Zweiter Band, Stuttgart, 1913, S. 6.

„Было бы лучше, если бы дѣла въ Россіи быстрѣе пошли къ кризису и устранили перспективу войны внутреннимъ переворотомъ. Положеніе становится слишкомъ благоприятнымъ для Бисмарка.

„Одновременная война съ Россіей и Франціей явилась бы (для Германіи) борьбой за національное существованіе, и въ возгорѣвшемся изъ этой борьбы шовинизмѣ наше движеніе (соціалъ-демократическое) на дѣльные годы погибло бы. И шансы при этомъ, въ случаѣ присоединенія Англіи, были бы для Бисмарка весьма благоприятными—долгая и трудная борьба, но 3 шанса противъ 2 за окончательную побѣду, вродѣ исхода Семилѣтней войны“¹⁾.

Къ этой картинѣ европейской войны, которой Энгельсъ боялся только потому, что ее удачно повелъ бы Бисмаркъ, а не всеевропейская революція, Марксъ въ отвѣтномъ письмѣ отъ 10-го сентября того же года замѣчаетъ:

„Для нашего движенія и для Европы вообще не могло бы произойти ничего болѣе вреднаго, чѣмъ осуществленіе плана Бисмарка“²⁾

Какъ извѣстно, у Бисмарка вовсе не было плана войны съ Россіей. Выше читатель найдетъ переводъ классической XXIX главы „Мыслей воспоминаній“ Бисмарка, въ которой разсказывается исторія возникновенія австро-германскаго союза. Этотъ аутентическій комментарий къ оюзному акту 1879 г. въ настоящее время читается съ огромнымъ интересомъ. Между прочимъ, онъ показываетъ, въ какой мѣрѣ Бисмаркъ отъ въ своей внѣшней политикѣ всетаки руководиться соображеніями внутренней полттики. Это подчиненіе внѣшней политики мотивамъ, очерпнутымъ во внутренней политикѣ, представится намъ еще болѣе значительнымъ, если мы вспомнимъ, что союзъ съ Австріей диктовался Бисмарку полной неприемлемостью для него идеи соединенія нѣмецкихъ земель Австріи съ Германіей, ибо такое соединеніе означало бы усиленіе католическаго элемента и ослабленіе прусскаго начала въ Германской имперіи. Какъ бы то ни было, внутренне-политическія соображенія Бисмарка сами по себѣ уже исключали для него агрессивныя намѣренія противъ Россіи. Но кромѣ того, какъ я уже указывалъ въ своихъ

¹⁾ L. c. Vierter Band. S. 423. Марксъ полагалъ, что „внутреннее движеніе“ въ Россіи послѣ вступленія на престолъ Александра II означаетъ крушеніе русской внѣшней политики, послѣднимъ триумфомъ которой онъ считалъ парижскій миръ 1856 г. Das Geheimniss der Erfolge der russischen Diplomatie abroad war die Grabesstille of Russia at home“ (l. c., S. 424). Переживаемыя нами событія доказываютъ какъ разъ обратное. Русская внѣшняя политика, при прочих равныхъ условіяхъ, никогда не стояла такъ высоко и не достигала такихъ успѣховъ, какъ наше время, когда „внутреннее движеніе“ привело къ созданію народнаго предзвительства и именно въ вопросахъ внѣшней политики—къ широкой свободѣ печати.

²⁾ L. c. S. 424.

статьяхъ, Бисмаркъ рѣшительно отклонялъ мысль о томъ, что Германія должна до конца солидаризироваться съ Австро-Венгріей въ ея ближневосточной политикѣ, „представительствовать“ балканскіе интересы Габсбургской монархіи. А самостоятельныхъ интересовъ Германіи на Ближнемъ Востокѣ Бисмаркъ не признавалъ.

Вотъ почему того плана войны съ Россіей, который Марксъ и Энгельсъ приписывали Бисмарку, у него не было и не могло вовсе быть. Мнимый планъ Бисмарка на самомъ дѣлѣ и по существу былъ давнишней мечтой самихъ Маркса и Энгельса.

Не только не имѣя ничего противъ разгрома Россіи, но, наоборотъ мечтая о немъ, Марксъ и Энгельсъ не хотѣли, однако, чтобы планъ грандіозной противорусской коалиціи осуществилъ ихъ политическій противникъ, уже успѣвшій за это время обрушиться на германскій социализмъ исключительнымъ закономъ. Но менѣе осторожный и хитроумный ученикъ Маркса и Энгельса, Вильгельмъ Либкнехтъ, за годъ передъ этимъ въ 1878 г., въ германскомъ рейхстагѣ прямо противопоставлялъ дѣйствительной, лавирующей между Россіей и Австріей политикѣ Бисмарка программу рѣшительной борьбы съ Россіей въ союзѣ съ Турціей.

Какую политику рекомендовалъ Германіи тогда Либкнехтъ-отецъ?

Политику тѣснѣйшей связи съ Австро-Венгріей, во-первыхъ, поддержанія Турціи и рѣшительной борьбы съ Россіей, во-вторыхъ.

По первому пункту Либкнехтъ 19-го февраля (н. ст.) 1878 г., въ историческихъ дебатахъ рейхстага о восточномъ вопросѣ, происходившихъ передъ санъ-стефанскимъ договоромъ, сказалъ буквально слѣдующее:

„Пока опасность угрожаетъ только Австріи, но Австрія есть лишь кусокъ Германіи (ein Stück von Deutschland), и поскольку она не является прямо германской, она есть форпостъ Германіи (ein Vorland Deutschlands).“

„Сегодня дѣло идетъ о Турціи; послѣ Турціи—очередь за Австріей. Миръ, какой еще теперь въ лучшемъ случаѣ возможенъ, если Россія въ послѣдній моментъ не будетъ данъ отпоръ,— такой миръ бросаетъ сѣмена уничтоженія въ австрійское государство. Принципъ національностей, который съ такимъ успѣхомъ былъ использованъ Россіей противъ Турціи, будетъ точно такимъ же образомъ использованъ противъ Австріи“.

Извращая истинный ходъ событій, Либкнехтъ въ заключеніе своего рѣчи такъ характеризовалъ отношенія между Россіей и Германіей:

„Скоро наступитъ время, когда ставшая лишь благодаря германской помощи (sic!) могущественной Россія направитъ свои когти и противъ Германіи... Германская культура, Германская имперія испытаютъ глубокое вліяніе созданнаго германскимъ нейтралитетомъ преобладающей Россіи. До сихъ поръ мы поддерживали миръ и, быть можетъ, намъ удастся“

еще нѣсколько лѣтъ его поддерживать, но потомъ наступитъ моментъ, когда миръ уже станетъ невозможенъ, когда могущество Россіи обнаружится такъ ясно, что необходимо будетъ поднять мечъ. Тогда, быть можетъ, нѣкоторые изъ васъ вспомнятъ о томъ, что то были социаль-демократы, которые заявили въ рейхстагѣ слѣдующее: то, что въ 1877 г. могло бы быть достигнуто для Германіи, для всего свѣта истинно-национальной политикой и честнымъ нейтралитетомъ Германіи, это когда-нибудь германской націи придется завоевывать съ несказанными жертвами, ужаснымъ кровопролитіемъ“¹⁾.

Х.

Программа Вильгельма Либкнехта, которая по основной своей идеѣ—борьбѣ съ Россіей и славянствомъ—была программой Маркса и Энгельса, въ совершенно новыхъ политическихъ условіяхъ осуществляется Вильгельмомъ Гогенцоллерномъ въ 1914 г.

Такимъ образомъ, Вильгельмъ Либкнехтъ, въ весьма существенныхъ пунктахъ оказался замѣчательнымъ пророкомъ, но — тѣмъ хуже для Вильгельма II. Ибо въ 1877—78 гг. та открыто противорусская политика, которой требовалъ въ рейхстагѣ Либкнехтъ-отецъ, могла быть осуществлена Германіей въ союзѣ съ Англіей, при нейтралитетѣ Франціи. Теперь, въ 1914 году, императоръ Вильгельмъ, презрѣвшій совѣты князя Бисмарка, осуществляетъ политическую программу Либкнехта въ условіяхъ, когда противъ Германіи стоитъ не только Россія, но и Англія съ радикальнымъ министерствомъ во главѣ, и Франція, въ которой для борьбы съ Германіей республиканецъ-консерваторъ Рибо объединился съ марксистомъ Гэдомъ, личнымъ другомъ Либкнехта.

И еще одно отличіе 1914 г. отъ 1878: въ 1878 году о растерзанной Польшѣ вспомнилъ германскій рейхстагъ устами польскаго депутата Котеровскаго и того же Либкнехта, которые оба требовали восстановления Польши; въ 1914 году о ней вспомнила и ее призвала къ новой жизни Россія въ достопамятномъ и мудрому воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго.

Вся мудрость этого акта особенно ярко выступаетъ при свѣтѣ тѣхъ мыслей о русско-германскихъ отношеніяхъ, которыя читатель найдетъ въ печатаемыхъ выше соображеніяхъ Бисмарка. Русско-польскій споръ

¹⁾ Ср. ставшія теперь большой рѣдкостью брошюры Либкнехта, вышедшія въ 878 г.: „Die Orientdebatte im deutschen Reichstag“ и „Zur orientalischen Frage oder soll Europa kosackisch werden?“ Этими брошюрами я уже воспользовался въ статьѣ Вильгельмъ Либкнехтъ и Вильгельмъ Гогенцоллерн“, напечатанной въ *Биржевой вѣдомостяхъ* отъ 27 августа.

былъ всегда желаннымъ орудіемъ подчиненія Россіи интересамъ и цѣлямъ Германіи ¹⁾).

Какъ бы то ни было, историческій матеріалъ, нами привлеченный неопровержимо доказываетъ, что антирусская политика и даже, еще общѣе, вражда къ славянству, свободное объединеніе котораго рисуется въ видѣ какого-то чудовищнаго „панславизма“, является исторической традиціей германской социаль-демократіи. Я глубоко убѣжденъ, что наличность и сила этой традиціи въ значительной мѣрѣ объясняютъ поведеніе германской социаль-демократіи въ настоящее время и вообще отношеніе всего рабочаго класса Германіи къ великой европейской войнѣ.

Не только русское государство, но и русская стихія традиціонно разсматривается всѣмъ германскимъ радикализмомъ, съ социаль-демократіей во главѣ, какъ сила, враждебная культурѣ и прогрессу.

Въ этомъ отношеніи въ Германіи мало что измѣнилось со время восточной войны 1853 — 1855 гг. и русско-турецкой кампаніи 1877—1878 гг.

Правая и консервативная Германія лишь въ послѣднее время пришла въ прямой конфликтъ съ историческими задачами Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Германія радикальная и народная традиціонно воспитана на во враждѣ къ Россіи и къ ея славянскому призванію.

Но вопросъ о соотношеніи между настоящей войной и различнымъ германскими идеологіями долженъ быть поставленъ и шире и глубже. Та германская „гордыня“, которую мы ощущаемъ, какъ главный источникъ происхожденія этой войны, есть явленіе новой и даже новѣйшей Германіи. Въ ней поражаетъ полное отсутствіе всякой религіозной покладки, она по питающему ее духу—позитивна и позитивистична. Официальная Германія на словахъ поминаетъ Бога, но вся политика ея, подержанная и поддерживаемая Германіей неофициальной, есть реальна политика, исходящая исключительно изъ учета „реальныхъ“ силъ технической мощи, фактора времени и быстроты и т. п. Въ этой политикѣ — и въ этомъ ея глубочайшее метафизическое отличіе даже отъ политики Бисмарка и идеологіи Трейчке—совершенно отсутствуетъ ощущение и сознаніе сверхчеловѣческихъ силъ, дѣйствующихъ въ исторіи словомъ, отсутствуетъ религіозное начало. Въ міровоззрѣніи и въ политикѣ Бисмарка, какъ бы ни оцѣнивать ея отдѣльные приемы и дѣйствія, присутствовало ощущение и сознаніе сверхчеловѣческихъ силъ, руководящихъ людьми въ исторіи. Именно этого нѣтъ у дѣятелей современно

¹⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы указать на чрезвычайно поучительную статью *М. Драгоманова* „Восточная политика Германіи и обрусеніе“, напечатанную въ 1872 г. перепечатанную въ т. I „Политическихъ сочиненій“ (Москва, 1903 г.), стр. 1—216.

Германіи. Вышняя политическая обстановка войны 1914 года (заранѣе обдуманное, основанное на учетѣ силъ нападеніе, дипломатически подготовленное возбужденіемъ сербскаго вопроса) есть лишь выраженіе нѣкой духовной сущности, лежащей въ основѣ этой войны. Катастрофа 1914 г. есть крушеніе того овладѣвшаго Германіей позитивизма, который всего полнѣе захватилъ въ ней именно городскія народныя массы, находящіяся въ духовномъ подданствѣ у социаль-демократовъ¹⁾. Гордыня Германіи есть гордыня материалистической вѣры въ хозяйственную и техническую кутьюгуру, успѣхи которой въ Германіи за послѣднія десятилѣтія были дѣйствительно безпримѣрны. Въ этомъ отношеніи между Германіями официальной и неофициальной, буржуазной и пролетарской, сѣверной и южной, прусской и не-прусской нельзя и не должно проводить никакого различія. Германія въ этой войнѣ духовно едина, въ дурномъ и въ хорошемъ. Но, устанавливая это, съ тѣмъ большей силой необходимо подчеркнуть, что духъ этой войны родился именно въ нѣдрахъ новой, послѣбисмарковской Германіи, Германіи безрелигіозной и позитивистической²⁾, не то что забывшей своихъ великихъ мыслителей, но органически изжившей ту духовную стихію, которой были порождены Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ. Я останавливаюсь передъ именемъ Ницше. Онъ двойствененъ, ему не чужда духовная культура старой Германіи, но въ то же время онъ, можетъ быть, вопреки своему лучшему я—духовный творецъ новой Германіи. И потому недаромъ и неслучайно на той книгѣ генерала Бернгарди, которая является пророческой программой превентивной войны 1914 г., въ качествѣ эпиграфа стоитъ афоризмъ изъ Ницше: „Война и мужество свершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему“.

Но чѣмъ болѣе я настаиваю на томъ, что ни старая Германія философовъ и поэтовъ, ни даже Германія Вильгельма I и Бисмарка не являются творцами войны 1914 г., тѣмъ важнѣе съ моей точки зрѣнія указать, что необходимо ясно и точно отдѣлять и отличать духъ, который родилъ эту войну, отъ духа, вызваннаго войной, послѣ того какъ она стала неотвратимымъ фактомъ. Сами нѣмцы, и въ томъ числѣ тѣ видные ученые, которые подписались подъ извѣстнымъ манифестомъ германской интеллигенціи, такъ же смѣшиваютъ эти два глубоко отличныхъ одно отъ другого явленія, какъ и многіе не-нѣмцы, судящіе и пишущіе о современной Германіи. Этимъ отождествленіемъ двухъ явленій сами нѣмцы не возвеличиваютъ, а принижаютъ свое отечество.

1) О безрелигіозности народныхъ массъ въ Германіи я говорилъ въ статьѣ „Почему застоялась наша духовная жизнь?“ (*Русская Мысль*, мартъ, 1914 г., стр. 104—118).

2) Яркимъ представителемъ и выразителемъ этой Германіи является извѣстный натурфилософъ Оствальдъ, считающій, что Германія призвана „организовать“ міръ.

Патріотизмъ, связанный съ личнымъ самопожертвованіемъ, несомнѣнно послѣ войны охватилъ и объединилъ Германію, и такой патріотизмъ всегда остается великой идеалистической силой. Но война, какъ политическій фактъ, не имѣетъ ничего общаго съ этимъ рождаемымъ ею идеализмомъ, и не имѣетъ его именно со стороны Германіи. Со стороны Германіи эта война не родилась изъ геройскаго идеалистическаго порыва, а была актомъ весьма плохого, но въ то же время холоднаго политическаго расчета и учета, совершенно позитивный, свободный отъ идеализма характеръ котораго нисколько не колеблется тѣмъ, что этотъ расчетъ былъ ошибочнымъ до безумія. Въ самыхъ этихъ ошибкахъ учета, наоборотъ, обнаружилось отсутствіе вниманія къ духовнымъ и сверхчеловѣческимъ факторамъ міровой исторіи, сказалось то, что можно назвать безбожіемъ въ политикѣ.

Петръ Струве.

Со времени выхода въ свѣтъ послѣдней книжки нашего журнала скончались А. А. Тихоновъ-Луговой и И. И. Янжуль, оба бывшіе въ разное время сотрудниками *Русской Мысли*. Характеристики Лугового и Янжула будутъ нами даны въ декабрьской книжкѣ. Ред.